

Ротару е

1985

Советская Молдавия
г. Кишинев

29 MAR 1985

Зал был нарядный, праздничный, цветы, аплодисменты... А мама, сидевшая в первых рядах, все плакала. Отец не плакал, только как-то заморозился, сложив тяжелые руки на коленях... Тогда она решила одну из песен посвятить им. Она пела ее, такую нежную и грустную, как колыбельная, а мама с отцом, старенькие, седенькие, будто отдалялись, уплывали куда-то от нее, становясь все меньше, все расплывчатее, будто это туман спускался с гор, собираясь холодной белой пеленой навек отделить от нее родные лица.

Может, это было и не так печально, но так вспоминается теперь. Потому что на прощанье, после концерта, после того, как торжественно ее поздравили с присвоением почетного звания, отец сказал: «Теперь я могу умереть». Этой минуты дочернего триумфа он ждал давно. Если бы не отец, который в нее так верил, может, судьба ее сложилась бы и по-другому. Но отец верил. Было однажды — приехал в Маршинцы из Кишинева театр «Лучафэрул». Сцену смолотили из досок прямо на улице. На спектакль, конечно же, пришло все село. И она сидела вместе с отцом, притихшая, завороченная. Потом Михаил Федорович повел, нет, вернее, потащил туда, за перегородку, к актерам — знакомиться. И всем говорил: «Смотрите, это моя дочь. Она тоже будет артисткой».

Весь этот рассказ был мне чем-то знаком. На память пришла другая актриса, ее отец, о котором с такой любовью она написала книгу, его упрямые слова: «Не, актрисою будешь», точно. Это як закон. Усе песни на лету берет, як зверь. Ну, вокурат, актриса!». И подумал: как же похожи они: молдаванки и украинки, оба простые, «университетов не кончавшие», но с такой любовью и прекрасному и с такой мудрой прозорливостью и зоркой в талант дочерей. И еще подумал, что многие из тех, чьи имена сегодня так громко звучат, — «родом из детства». И когда мы говорим об их успехах, должны помнить, что за спиной у каждого — отцы, матери, деды и бабки, братья и сестры, товарищи и учителя — народ наш, для которого хлеб и песня — равно непреходящие ценности.

О корнях ее таланта и хотелось бы поговорить.

Их было много — братьев и сестер Ротару. Их было много за одним столом. Поэтому Софи́йка рано узнала, что такое «надо» и почти никогда в детстве не давала волю своему «хочу». Руки ее и сегодня еще помнят липкую, жирную тяжесть земли, упругую лозу, скользкую, отполированную мозолями ручку сапы. Губы ее помнят вкус мамалыги, соленой овечьей брызны, студеной воды из колодца. Память хранит тяжелую поступь отца, хлопотливость матери, плач сестер, тяжесть детских забот о ближних... А еще помнит она семейные спевки, помнит ощущение радости, праздника. Навсегда унесла она с собой из дому народную песню, которая и сейчас «легче поется, будто силы дает».

Она и начинала в народных традициях. «Червона рута» прозвучала на всю страну. И вот уже в 1968 году, на Всемирном фестивале в Софии, София — лауреат. Вот уже отмечена премией Ленинского комсомола, начали отсчитывать ее победы на международных конкурсах.

Для нее стали писать самые разные композиторы, в том числе — Мартынов,

Встречи для вас

«СЕСТРА МОЯ, ЖИЗНЬ!»

Тухманов... А она вместе с произведениями маститых, стремилась петь песни молодых, неизвестных композиторов Буквины и Молдави, что было очень и очень непросто. Это ведь на наших шумных ярмарках ту же «Романтику» заездили аж до дыр, а в иных больших студиях до сих пор Ротару говорят: «Кирияк? Мы такого композитора не знаем».

Чтоб доказать свое право на выбор, София не боится идти на конфликт. И уверена, что без упрямства настоящих артистов не бывает. И еще — без смелости, без силы воли, без любви — к песне, к музыке, к людям, для которых поешь, к земле своей... К Родине.

Есть в репертуаре ее особая тема — тема высокого патриотизма. Ярче всего, пожалуй, проявилась она в исполнении песни Д. Тухманова «Родина моя». Теперь организаторы ответственных концертов непременно просят ее включить в репертуар именно такие песни: «Понимаете, говорят, вы не только их хорошо исполняете, вам, как немногим, верит аудитория, верят люди».

Это очень важно, чтобы певцу, артисту, художнику вообще, верили, когда он рассказывает о своей любви, мечтах, переживаниях. Но в тысячу раз важнее, чтобы вера эта не покидала слушателей тогда, когда речь идет о самых высоких чувствах — о любви к Родине. Такое качество стажировкой в «Ла Скала» или учебой в консерватории не приобретешь. Такое прививается с детства, в многочисленных маршинцах, ивановках, скуланях. И идет от отцов-матерей...

— Приезжаю я недавно домой, — рассказывала София, — выхожу во двор, а в огороде всего понасажено — уйма. Говорю папе с мамой — зачем вам все это? Семья уже не такая большая, а вы ведь старенькие, силы не те... Отец рассердился: «Ты что хочешь, чтобы земля пустовала? Чтоб на ней бурьян вырос? Земля родила человека не для того, чтобы пустыней быть, а для того, чтобы рожать еще больше, чтобы жизнь давать. И человек за то у нее в долгу». Эти отцовские слова она потом не раз

вспоминала, особенно во время гастрольных поездок в Финляндию, в ФРГ, в социалистические страны. И, особенно, в Канаду, где на ее долю выпали тяжелые испытания.

Нет, поначалу Монреаль встретил их довольно приветливо. Работать должны были в культурной программе выставки «Человек и его внутренний мир». Выставка пользовалась огромным успехом, советская экспозиция — особо. Все предвещало праздник. Но тут произошел известный эпизод с южнокорейским самолетом...

Ах, какой крик подняла «свободная» пресса! Каким Молохом выставила она нашу страну, как чернила ее, обвиняя во всех смертных грехах.

У входа в концертный зал толпились какие-то молодчики. Сидели они и в зале и, зная это, публика встретила поначалу певичу настороженной тишиной. Но София как ни в чем ни бывало вышла на сцену и запела... В ответ тишина взорвалась громом аплодисментов и те, специально пришедшие, чтобы навредить, тоже аплодировали. А один, оглянувшись, тихонько крикнул «браво!».

За что ее так любят? Почему космонавты берут ее записи с собой в полеты? Думаю, по той же причине, по которой они выучили наизусть кинофильм «Белое солнце пустыни». Очень нужен там, в черном и пустынном космосе, оптимизм и лучистый юмор, и неодолимая жизнестойкость главного героя фильма — Федора Сухова. А ведь все эти качества есть и у Софии, в ее песнях.

И еще по отношению к ней точнее всего подойдет определение: «человек долга». Помните слова ее отца? — «Земля родила человека для того, чтобы умножить жизнь. И человек за то перед ней в долгу». А долг отдают работой. Потому она и сказала врачам: поезду в Кишинев! Ей нельзя было петь, а она снова и снова выходила на сцену, совершая каждый раз маленький подвиг. Подвиг, подвижничество — однокоренные слова, хоть последнее, надо сказать, основательно позабыто. Тем не менее, в характере Ротару во многом довлеет именно подвижничество.

— Где вы побывали на гастролях в прошлом году? — спросил ее.

— В колхозах побывали, в совхозах, на фермах, на полевых станах Крымской области... А чему вы удивляетесь? Я — депутат областного Совета. Отказаться своим избирателям не могу. Да и не хочу...

Вот такой факт биографии. С трудом представляю себе в подобной ситуации некоторых других женщин, которые поют. Для Софии же такая поездка — естественна. А еще в ее характере главное — неизменный оптимизм. Чуть отойдет, оправившись после нагрузок — и вновь готова шутить, смеяться, говорить о веселом...

— Обязательно напишите, что мое любимое занятие — рыбалка. Люблю удить и на блесну, и донкой, и удочкой. И готовить люблю. Чорбу, заму, мамалыгу с муждеем такую, что пальчики оближите... Как провожу свободное время? Как все нормальные советские женщины. Ведь это только миф, что у Ротару тридцать три няньки в доме... Читатель успеваю. Что? (смеется) А это очень стыдно — народной артистке признаваться, что она читает Дрюона?... Нет, если серьезно, — поэзию люблю. Эминеску, Вьеру... Хорошую прозу, например, Фицджеральда.

И чем дальше отодвигался только что окончившийся концерт, тем больше, казалось, прибывает в ней силы. Под конец она говорила уже обо всем вперемешку. О том, какие песни подарили ей Евгений Дога и Ион Алдя, и Толя Кирияк, и как она мечтает сняться в хорошем фильме у того режиссера, что воспел легендарных лезутаров, и о том, как в Крыму трудно достать кукурузную муку, и о том, что сын Руслан почему-то не занимается музыкой, и как она любит расшивать свои концертные платья...

И я поражался, мысленно вспоминая, что еще час назад после концерта видел эту женщину абсолютно без сил, пораженным силе исходившего от нее душевного тепла, доброты, жизнерадостности. Вспомнилось пришедшее в редакцию письмо, в котором автор называл Софию «всем нам сестрой». Он прав, подумал я. Ведь вот это, знаменитое: «Сестра моя, жизнь!» — это о ней...

Г. ПАВЛЕНКО.